

Улица Рабочая

1

*...ведь любят родину не за то,
что она велика, а за то,
что она родина.*

Луций Анней Сенека

Я опять на улице Рабочей,
я опять на родине моей.
Сердце позабыть никак не хочет
этот шелест рослых тополей,
по которым лазил я когда-то
(это были дедушки мои)...
Вот они, стоят... Но нет возврата
в прежние безоблачные дни.

Детство пролетело словно лето.
Край, мой край оставлен навсегда...
Ярок, но недолог свет кометы.
Постоянство – тщетная мечта...
Я живу в трёхкомнатной квартире,
все удобства быта – для меня.
Только сердцу там тесней, не шире,
и живого нет в печи огня.

И когда в тоске я занемею,
то иду паломником сюда.

Дышится здесь чище и вольнее,
и вкусней знакомая вода.
Здесь – мой храм, моя исповедальня,
здесь бы и хотел я умереть.
И пришёл сюда, в такую даль я,
на заветном месте посидеть.

Сяду, от забот своих остыну,
и смотрю с притихшею душой
самую любимую картину:
стадо возвращается домой.
Тёплое, пахучее движенье,
древняя частица бытия...
Возвращенье стада – завершенье
трудового радостного дня.

Ну, пойду... Назад,
туда, где хуже...
(По просторной улице моей
мчит авто, расталкивая лужи,
как спешащий к поезду – людей).
Обернусь: над домиком из тёса,
продолжая ласково шептать,
наклонилась чуткая берёза,
как над колыбелью сонной мать...

2

*Другу детства и соседу по улице Рабочей
Коливерде Юрию посвящаю*

...А помнишь, Юрка, тот мой флигелёк?
Стояли там стиральная машина,

кровать и книги, был чудной замок,
висела деревянная картина.

Я спал всё время в этом флигельке,
когда не спал с тобой на сеновале,
иль в маленьком уютном шалашке,
который мы вдвоём сооружали,
поскольку летом – игры допоздна;
придут девчонки: семечки, беседа...
Чтоб не спугнуть родительского сна,
я шёл во флигелёк, там спал всё лето,
на огороде; утром, днём читал,
а вечером во вкопанную бочку
воды, полив закончив, набирал
из старого колодца в одиночку,
крутя одной рукою барабан,
наращивал свою мускулатуру.
И радовался рыжий пёс Каштан,
когда тебя в калитке видел, Юру.
И снова – игры, смех, девчонки, звук
мне купленного нового баяна,
у лавочки поющих полукруг,
а сзади – подвывание Каштана...

И где всё это? Ровная земля,
ни флигеля, ни кухни летней нету,
ни стайки, ни сарая-«корабля»...

А что – взамен?

Испорчены куплеты
в красивой песне Улицы моей,
сюжет нарушен, добрый изначально,
волшебной сказки Улицы твоей –
поэтому звучит она печально.

И всё же, Юрка, есть, что вспомнить нам!..
Навеки будут в сердце: двор, печурка,
скворечники, открытые ветрам,
и тот наш флигелёк – ты помнишь, Юрка?..

Отец

Отец мой, кто знал или слышал,
Без дела не мог, без идей.
Когда он на пенсию вышел,
То создал районный музей.
Музей тот живёт и поныне,
А папы давно больше нет...
О нём, о томиловском сыне
Вот этот короткий сюжет.

Чемодан

Колганову Владимиру Константиновичу,

Константиныч в дорогу собрался,
он в Италию скоро летит.
И во Франции быть обещался,
спеть повсюду ему предстоит.

Мне об этом поведав подробно,
чемодан у меня попросил.
На колёсиках – очень удобно:
взял за ручку – вослед покатыл.

Чемодан я купил этим летом,
у него презентабельный вид.

Я останусь в Мошково, при этом
чемодан за рубеж улетит.

И, на качество выдержав пробу,
с самым признанным из мошковчан
чемодан мой объедет Европу.
Как я рад за тебя, чемодан!

Ботинки

*Случай 1997 г., рассказанный
А.Н. Нарушевичем в 2015 г.*

Играл мой сын на контрабасе
В оркестре, музыке служа.
Учился он в последнем классе
Мошковской славной ДМШ.
Однажды я купил ботинки –
Как помню, чешские – весной.
Ходил в них, радуясь новинке,
Затем исчез ботинок мой.
Искал пропажу я повсюду,
И вот едва её нашёл...
Своих эмоций не забуду,
Когда увидел произвол:
С ботинка срезана подошва,
Откуда вырезан фрагмент.
Покупка стоила недёшево.
Что вообще за инцидент?!
Кто этот наглый комбинатор?!..
А Димка запросто сказал:
«Мне нужен, пап, был медиатор,
Чтоб контрабас мощней звучал.

Ботинок очень пригодился.
На днях концерт, послушай нас».
Послушал я и убедился:
Звучит отлично контрабас!

Магазин «Низкоцен»*

Привет, немытое Маньково,
От магазина «Низкоцен»!
Чего же было ждать иного,
Когда бабайка – «бизнесмен»?
– Мы свой, мы новый мир построим, –
Он свистнул, – баню прочь, долой!
Мы не помоем, а умоем
Людей посёлка – план такой!

Иди, немытое Маньково,
Заместо бани в магазин –
Ведь больше нету никакого!
Купи дешёвый апельсин!
Забудь о храме гигиены,
Что здесь стоял, благословен...
Упали, может быть, и цены,
Но нравы пали – ниже цен!

К Маньковской бане нет возврата,
И разудалый наш орёл –

* В посёлке М. в 2016 году одним местным самодуром на месте поселковой бани был построен магазин «Низкоцен», а сама баня, находящаяся в рабочем состоянии, ликвидирована. До этого – не в ущерб жителям посёлка – другими людьми уже были выстроены такие магазины, как «Копейка», «Мария-Ра», «Холдинг», «Магнит», «Светофор» и другие.

Цены в «Низкоцене» оказались, говорят, выше, чем в соседнем «Холдинге».

Бабайка – славу Герострата
Постыдно этим приобрёл.
И ощущая лишь презренье
При виде новых алчных стен,
Я говорю на преступленье:
– Иди ты в баню, «Низкоцен»!

Но чтоб совсем не загрязниться,
В дни те же – женский и мужской –
Ходите, люди, в баню мыться
К бабайке этому домой!
Пусть предоставит помещенье!
Пусть баню вытопит свою!
И этим вымолит прощенье...
Хотя – о чём я говорю?!..

Я справедливо рассуждаю,
Но в жизни – всё идёт к концу...
Задать бы баню негодяю!
Задать бы жару подлецу!
Чтоб здесь – стояла баня снова!
Увы, пока без перемен:
Привет, невытое Маньково,
От магазина «Низкоцен»!..

В баньке

Сергею Толоконникову

Славно в баньке у Серёги,
что вложил свои труды!
Здесь живут нагие боги
жара, пара и воды.

И сидят, как на Олимпе,
на вознёшемся полке.
Посреди – Серёга в нимбе,
с новым веником в руке.

Вот ковшом воды горячей
он из бака зачерпнул,
посмотрел на камни зряче
и, прицелившись, плеснул.
Но слегка погорячился –
слишком сильным вышел пар,
и едва не опалился
наш достойный кочегар.

Ничего. Свой нимб поправил –
шляпу войлочную – он,
масла хвойного добавил,
подождал, закрыв флакон,
вновь плеснул, и запах пихты
разошёлся, обволок...
Ох, Серёга, ну и лих ты!
Тоже лезу на полк.

Будто я на самолёте –
там сплошные облака!
Оба хлещемся мы, в поте
лиц и тел, сыны полка.
После баньки на пельмени
нас обоих пригласят.
И на стенке, как мишени,
снова тазики висят.